

Библиографический листок

<"О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. Собрание разных статей А. Бухарева". М., 1865>

Только что я прочел произведение императора французов, как мне попалась книга, изданная в Москве под заглавием: "О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. Собрание разных статей А. Бухарева". Вообразите себе, читатель, мое изумление, когда среди бесчисленных славянско-церковных цитат, которыми усеяны страницы этой книги, я нашел изречения Наполеона III и, таким образом, увидел, что существуют у нас люди, чтущие его наряду с Кириллом и Мефодием и с отцами Церкви. Приведя слова Наполеона, г. Бухарев называет их "золотыми, неоцененными, правдою которых этот великий государственный ум может посветить и русскому самосознанию" (с. 177). Самосознание г. Бухарева, которому светит Наполеон III, оказывается в его книге необыкновенно оригинальным. Рассуждает г. Бухарев о разных современных и несовременных вопросах -- о польском вопросе, об освобождении крестьян, об отношении духовных вопросов к светским, о русской журналистике, о романах "Отцы и дети" и "Что делать?", и рассуждает так забавно, что ничего подобного и не видано, и не слыхано. Так, напр<имер>, кому придет в голову решать вопрос о светской власти папы -- советом папе обратиться в православие? В таком случае, по мнению г. Бухарева, никто не стал бы восставать против светской власти римского первосвященника, и сами римляне были бы очень довольны этою властью. Или кому войдет в голову написать статью под таким заглавием: "Важный урок, подаваемый современной мыслительности юродством"? Г-н Бухарев еще в другой статье (с. 313) строго порицает литературу за ее нападки на все, "что хотя сколько-нибудь отзывалось бы юродством". В статье же под этим оригинальным заглавием он говорит, что смеяться над юродствующими -- неприлично "разумности и образованности". -- "Как же иначе понимать, -- рассуждает г. Бухарев, -- например, то суждение о покойном Иване Яковлевиче, по которому имя его поставляли обыкновенно в голове "дармоедов" юродивых, тогда как люди духовно образованные и удостоенные благодати священства, не случайно и единовременно посетив покойного Корейшу, а в продолжение многих лет и многократно посещавшие его, фактами свидетельствуют о благодати, действующей через него, даже чудодейственно" (с. 549). Далее повествуется, как сам автор посещал одного юродивого и с какой проницательностью комментировал не только славяно-церковные изречения этого "глубочайшего старца", но и столь обыкновенные и для ума, не просвещенного благодатью, даже профанские возгласы его, как, напр<имер>, обращение к одной бабе с словами: "Ничего, матка, -- вывезешь! -- таким грубым голосом, каким наш мужик кричит иногда на лошадь" (с. 317).

С одной стороны, уважение автора к юродству, а с другой -- достоинства его книги (в 630 страниц!) заставляют предполагать, что вся книга есть просто подвиг юродства и написана единственно с этой целью. Действительно, у нас варварство исчезает, а цивилизация идет вперед далеко не параллельно и не пропорционально, чему служат доказательством единовременный успех Бокля и "Московских ведомостей"², сочинений Помяловского и "Марева"³, общественное мнение, достойное татарских степей, распространение точных наук и т. д. Поэтому весьма естественно предполагать, что живучесть варварства и успехи цивилизации доведут дела наши до того, что юродствующие будут печатать свои юродства при помощи паровых скоропечатных машин и издавать их с приложением таблиц и рисунков, гравированных на меди.

Юродствующий г. Бухарев славно рассуждает о науках: "Политическая экономия, -- говорит он, - в нашем христианском мире, скажем хоть применительно, есть не что иное, как раскрытие или выяснение, в приложении к новым условиям и жизненным нуждам нашего мира, той самой владычественной над всем истины, которая в древнем мире, -- и именно в ветхозаветном Израиле, сообразно тогдашним его условиям и нуждам, -- развивала и утверждала политический его быт" (с. 292-293).

А то еще любит г. Бухарев поучать читателя в форме диалогов. Особенно курьезны диалоги его по крестьянскому делу -- один с мужиком, а другой с помещиком "в поре зрелого мужества" (с. 284). Из этих диалогов второй только и замечателен тем, что происходил с господином в поре зрелого мужества. Но первый -- любопытен. Дело это происходит так.

Встретившись с мужиком, г. Бухарев приглашает его радоваться воле. На это мужик отвечает отказом, объясняя г. Бухареву, что "нам, почитай, все равно, что прежде: такой же оброк. Ну и господа таперича разя свой брат? Все те же господа. Мы чаяли, будет заправская воля" (с. 276-277). Г-н Бухарев